

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК УДК 316.4 + 314.7
DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.11
EDN ПОООН

Научная статья

ДИАСПОРЫ ЮГА РОССИИ КАК ОБЪЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

DIASPORAS OF THE SOUTH OF RUSSIA AS THE OBJECTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH: THE PROBLEM STATEMENT²

А. В. Бедрик*

ORCID: 0000-0002-7499-4629

Ю. С. Панфилова*

ORCID: 0000-0001-6010-97-19

Г. И. Чикарова*

ORCID: 0000-0002-7499-5472

Andrey V. Bedrik*

Yulia S. Panfilova*

Galina I. Chikarova*

* *Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия*

* *Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования – изучить феномен диаспоры, выделить базовые признаки и функции этого социального явления, а также верифицировать их применительно к социокультурным условиям южно-российского регионального социума.

Objective of the study is to consider the phenomenon of the diaspora; to identify its basic features and functions; to verify them in terms of social and cultural conditions of the South of Russia.

Методологическая база исследования основывается на неoinституциональном подходе. В соответствии с неoinституциональ-

The methodological basis of the research is based on a neoinstitutional approach. The diaspora is a part of an ethnic group that has lived

¹Статья выполнена в рамках проекта Российской научной фонды № 23-28-01721 «Диаспорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтничного сообщества Юга России».

²The article was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation No. 23-28-01721 “Diaspora institutions in the integration and disintegration of the multiethnic community of the South of Russia”.

© Бедрик А. В., 2023

© Панфилова Ю. С., 2023

© Чикарова Г. И., 2023

ной методологией, диаспора представляет собой часть этнической группы исторически или на протяжении определенного времени проживающей за пределами своего национального государства, исторической родины, этнического ядра, и при этом образующей на территории своей локализации различные формы групповой интеграции.

Результаты исследования. 1. Классические диаспоры характеризуются многовековой историей. Идентификационный портрет этих общин отличается постепенной деэтнизацией идентичности. К данному типу диаспор относятся греки, ассирийцы, евреи, поляки, немцы и болгары, проживающие на территориях Юга России. Для большинства из них актуален риск тотальной ассимиляции в русскоязычной среде по аналогии с другими группами.

2. Постсоветские диаспоры, имеющие в своей структуре историческое ядро, но пережившие в постсоветский период значительный миграционный прирост своих представителей из других регионов и стран бывшего СССР, характеризуются значительным уровнем внутригрупповой дифференциации по темпоральному и языковому признаку, по степени ассоциации себя с российским обществом и актуальности общероссийской (государственно-гражданской) идентичности. К таковым относятся армяне, азербайджанцы, грузины, молдаване, абхазы. Особое положение в данной группе занимают украинская и белорусская общины.

3. Постсоветские диаспоры новейшего периода, у которых практически нет исторического ядра на территории современного проживания, а присутствие диаспоры измеряется одним-двумя поколениями. Представителей данных диаспорных групп характеризует наиболее мобилизационный уровень этнической идентичности с маргинально выраженной диаспорной ассоциацией. К данному типу относятся диаспоры народов Центральной Азии (узбеки, кыргызы, таджики), а также турки-месхетинцы.

outside its national state, historical homeland, ethnic core historically or for a certain time. At the same time, it shapes various forms of group integration on the territory of its localization.

Research results. 1. Classical diasporas are characterized by a centuries-old history. These communities are characterized by a gradual deethnicization of identity. This type of diaspora includes Greeks, Assyrians, Jews, Poles, Germans and Bulgarians living in the South Russia. The risk of total assimilation in the Russian-speaking society is actual for most of them.

2. Post-Soviet diasporas, which have a historical core in their structure, but have experienced a significant migration increase from other regions and countries of the former USSR in the post-Soviet period, are characterized by a significant level of intra-group differentiation based on temporal and linguistic characteristics, on the degree of association with Russian society and on the relevance of the all-Russian (state-civil) identity. They are Armenians, Azerbaijanis, Georgians, Moldovans, and Abkhazians. The Ukrainian and Belarusian communities occupy an exceptional position in this group.

3. The post-Soviet diasporas of the recent period have practically no historical core in the territory of residence and the diasporas include one or two generations. The representatives of these diaspora groups have the most mobilizing level of ethnic identity with a marginally pronounced diaspora association. This type includes diasporas of Central Asia (Uzbeks, Kyrgyz, Tajiks), as well as Meskhetian Turks.

Перспективы исследования. Академическая сторона данной темы статьи определяется тем, что в научном сообществе до сих пор отсутствуют единые подходы к определению термина «диаспора» и как следствие вариативно его использование в публичном дискурсе, что само по себе является фактором развития межнациональных отношений, фактором роста межэтнической напряженности и конфликтности. Это объясняет необходимость комплексного социологического исследования феномена диаспоры, выделения базовых признаков и функций социального явления, а также их верификации применительно к социокультурным условиям южно-российского регионально-го социума.

Ключевые слова: классические диаспоры, постсоветские диаспоры, диаспоры Юга России, неоинституциональная методология

Prospects of the study. The scientific community still doesn't have any unified approaches to the definition of the term "diaspora". Therefore its use is variable in public discourse, which in itself is a factor in the development of interethnic relations, that may lead to the growth of interethnic tension and conflicts. There is the need for a comprehensive sociological study of the phenomenon "diaspora", for the highlighting the basic features and functions of this social phenomenon, as well as their verification in relation to the social and cultural terms of the South of Russian.

Keywords: classical diasporas, post-Soviet diasporas, diasporas of the South of Russia, neo-institutional methodology

Введение

Актуальность изучения этнических диаспор объясняется несколькими причинами академического и социального порядка. Причины социального порядка объясняются, во-первых, интенсивностью международных миграционных процессов, в которые включена Российская Федерация в рамках международного разделения труда в качестве донора и реципиента рабочей силы. Интенсивность иммиграции в Россию трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья (постсоветских республик) объясняет важность привлечение лидеров национальных диаспор, их формальных и неформальных институтов к вопросам регулирования миграционных потоков, адаптации мигрантов и их интеграции в принимающие сообщества, работе по аккультурации всех членов семей мигрантов. Во-вторых, российская национальная политика постулирует задачу сохранения этнокультурного многообразия российского общества, что учитывает и проживающие в стране этнические диаспоры. Таким образом диаспоры становятся объектом не только миграционной и национальной политики России, но и частью ее культурной политики, выступают субъектами на всех уровнях реализации мероприятий данных направлений государственного регулирования. В-третьих, институты диаспоры фактически выполняют роль внутригосударственного агента формирования общегражданской идентичности у различных этнокультурных компонентов

поликультурного российского социума, а также вовлечены в реализацию международной повестки, выполняя функции субъектов публичной политики России в современном мире (Сургуладзе, 2019. С. 91). Последний аспект приобретает особую ценность в условиях роста международной напряженности в мире, в том числе в контексте проведения Россией специальной военной операции. И наконец, в-четвертых, диаспоры выступают важным фактором межкультурного взаимодействия и поддержания межэтнического согласия в российском поликультурном обществе, во всем его региональном многообразии.

Академическая сторона актуальности темы статьи определяется тем, что в научном сообществе до сих пор отсутствуют единые подходы к определению термина «диаспора» и как следствие вариативно его использование в публичном дискурсе, что само по себе является фактором развития межнациональных отношений, фактором роста межэтнической напряженности и конфликтности. Все вышеизложенное объясняет необходимость комплексного социологического исследования феномена диаспоры, выделения базовых признаков и функций этого социального явления, а также их верификации применительно к социокультурным условиям южно-российского регионального социума.

Методология исследования

Методологической основой исследования выступает неинституциональный подход, который определяется фактором воспроизводства диаспорных этнических групп через функционирование национально-культурных институтов (организаций, объединений) формального и неформального характера, лидеры и активисты которых выполняют по отношению к группе ряд социально значимых функций и фактически обеспечивают ее самосохранение (Норт, 1997). Особое внимание неинституционализм уделяет символам и социальным практикам, которые поддерживают актуальный уровень этнической идентичности и ее структурных элементов, а также ретрансляцию эталонных (или одобряемых группой) моделей поведения представителей диаспорных сообществ в инокультурной этнической среде. Неинституциональная методология опирается на такие принципы гуманитарного познания, как историзм, холизм и эмпиризм. При этом особую методологическую ценность в исследовании имеют положения теории Ж. Бодрийяра о социальных симулякрах, соответствии с которыми не все формально выделяемые объединения в состоянии осуществлять реальные функции в отношении своих социальных групп и обеспечивать удовлетворение их специфических потребностей (Бодрийяр, 2018). Положения данной теории объясняют множественность институционального представительства целого ряда этнических групп в рамках одного регионального или локального сообщества.

В соответствии с неoinституциональной методологией, диаспора представляет собой часть этнической группы исторически или на протяжении определенного времени проживающей за пределами своего национального государства, исторической родины, этнического ядра, и при этом образующая на территории своей локализации различные формы групповой интеграции. Этнический признак является основным отличием диаспоры от различного рода землячеств, которые образуются по принципу территориальной идентичности (локальной, региональной, государственной) (Диаспоры и землячества... 2017). В основе диаспорной идентичности, как и в случае с собственно этнической идентичностью, лежит единство языковой и культурной принадлежности, общность исторического прошлого и представлений о единстве исторической судьбы, исторической родины.

При этом важно, что внутри себя диаспора, как и этническая группа иного уровня, может быть дифференцирована по специфическим субдиаспорным признакам, среди которых чаще всего имеют влияние темпоральные, религиозные, национально-гражданские характеристики (Армянская община на Дону... 2022. С. 11–12). Например, историческая часть армянской диаспоры Юга России (прежде всего, Ростовской области и Крыма) за период своего многовекового присутствия в регионе сформировала уникальную систему диаспорной идентификации, в рамках которой отделены друг от друга социальные компоненты не только по темпоральному критерию (старая и новая части общины), но и по регионам миграционного происхождения новой части общности («ереванские», «абхазские», «карабахские», «бакинские», «среднеазиатские» и т. д. армяне), вероисповеданию (армяне-«григорианцы», православные армяне, армяне-католики, амшенцы, хемшилы и т. д.). Этот классический пример армянской диаспоры не является уникальным феноменом для Юга России. Так, Ставропольский край, как и некоторые другие регионы Юга России, столкнулся в последние несколько лет нарастанием учебной миграции молодежи из Туркменистана. Миграционный прирост туркмен в Ставрополе и Пятигорске подчеркнул заметную социальную и культурную дистанцию между переселенцами и исторической частью туркменской диаспоры, присутствие которой в регионе оценивается в период более 150 лет (Курбанов, 2015. С. 205). Субдиаспорная фрагментация этнических общин оказывает влияние на характер их государственно-гражданской идентичности, степень ориентации на нормы и традиции локальных сообществ, ценностные границы внутри поселенческих групп, эмоциональные связи с исторической родиной и государством титульной принадлежности, а также на характер межэтнического взаимодействия, совместимость поведенческих практик с другими этническими группами регионального социума.

Результаты исследования

География исследования включает несколько субъектов Российской Федерации, относящихся к Южного федеральному округу (Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская область), а также Северо-Кавказскому федеральному округу (Ставропольский край). Данные субъекты являются регионами с преобладанием русской этнической группы на фоне общей поликультурной структуре населения большинства муниципальных образований внутри субъектов. В последние полтора десятка лет в этих регионах сложились общие характеристики, определяющие состояние и динамику воспроизводства межэтнических отношений. Так, все эти территории отличались высоким уровнем миграционного притяжения, являлись зоной интенсивного миграционного транзита, а в политическом отношении представляли собой регионы трансконфликтного статуса. Несмотря на то, что проводимая в настоящее время специальная военная операция существенно повлияла на интенсивность внешнего миграционного прироста в перечисленных субъектах Российской Федерации, базовая схожесть всех четырех регионов сохраняется. Это касается и этнической структуры их населения, в которой можно выделить три основные группы диаспорных образований.

Во-первых, это классические диаспоры, многие из которых имеют статус мировых диаспор, а период их присутствия в регионе характеризуется многовековой историей (Аствацатурова, 2002. С. 125–126). Идентификационный портрет этих общин отличается постепенной деэтнизацией идентичности, что является результатом распространения практик межэтнических браков, интенсивной языковой и культурной ассимиляцией, отсутствием демографической базы для социокультурного воспроизводства диаспорных образований. К данному типу диаспор относятся греки, ассирийцы, евреи, поляки, немцы и болгары, проживающие на территориях Юга России. Для большинства из них актуален риск тотальной ассимиляции в русскоязычной среде по аналогии с другими группами, некогда имевшими заметное диаспорное представительство на данных территориях (на пример, чехи в Краснодарском крае или итальянцы в Крыму).

Во-вторых, это постсоветские диаспоры, имеющие в своей структуре существенное историческое ядро, но пережившие в постсоветский период значительный миграционный прирост своих представителей из других регионов и стран бывшего СССР. Эти диаспоры характеризуются значительным уровнем внутригрупповой дифференциации по темпоральному и языковому признаку, по степени ассоциации себя с российским обществом и актуальности общероссийской (государственно-гражданской) идентичности. К таковым относятся армяне, азербайджанцы, грузины, молдаване, абхазы. Особое положение в данной группе занимают украинская и белорусская общины. Первая и наиболее многочисленная из них – украинцы – локализована

в зоне максимальной межкультурной контактности русского и украинского народов. Это напрямую определяет тот факт, что представители украинских объединений не рассматривают свой статус на данных территориях (как и в России в целом) в качестве диаспоры (Суций, 2013. С. 55–57). Белорусы же хоть и являются постсоветской диаспорой, но практически не испытали на себе заметного миграционного прироста в течение всего постсоветского периода на Юге России и наряду с украинцами и молдаванами характеризуются наиболее интенсивными процессами культурной ассимиляции.

В-третьих, это постсоветские диаспоры новейшего периода, у которых практически нет исторического ядра на территории современного проживания, а присутствие диаспоры измеряется одним-двумя поколениями (Адаптация и интеграция мигрантов... 2022. С. 292–294). Представителей данных диаспорных групп характеризует наиболее мобилизационный уровень этнической идентичности с маргинально выраженной диаспорной ассоциацией. Этот тип мобилизованной этничности максимален за счет существенной языковой и культурной дистанции с местным населением, религиозных особенностей группы, правовым статусом ее представителей в России (превалирование мигрантов над резидентами). К данному типу относятся диаспоры народов Центральной Азии (узбеки, кыргызы, таджики), а также турки-месхетинцы. Исключением в данном перечне групп выступает диаспора удинского этноса, сформированная на территории Ростовской области преимущественно за счет постсоветской миграции, но обладающая высоким уровнем инкорпорирования в местное сообщество в силу религиозной близости (удины исповедуют православие) и высокого уровня владения русским языком (Дабакон, Динчари, 2023. С. 17).

Особняком в предложенной системе классификации диаспорных групп Юга России стоят три диаспоры, преимущественно проживающие на территории Ростовской области и Краснодарского края. Это диаспоры корейцев, курдов и езидов. Исключительность положения корейцев определяется тем фактом, что несмотря на сохраняющуюся расово-этническую сегрегацию и актуальность национальных традиций корейское меньшинство в значительной степени комплиментарно интегрировано в региональные и местные социумы, обладает ярко выраженной ориентацией на ценность своего государственно-гражданского статуса и в наименьшей степени выступает субъектом/фактором межэтнической напряженности в поликультурных социумах Юга России (Бугай, 2015. С. 312). Две другие группы – курды и езиды – хоть и имеют дореволюционную историю присутствия в регионе, но основная демографическая совокупность этих групп сформировалась за счет постсоветских переселенцев из стран Южного Кавказа и обладает невысоким уровнем интеграции в принимающие сообщества Юга России (Бугай, 2012. С. 388).

Развивая тезис о том, что диаспорные сообщества не могут полноценно воспроизводиться вне институциональных форм своей групповой интеграции, проведенный организационный и статистический анализ позволяет выделить в исследуемых регионах несколько типов формально организованных объединений диаспорных этносов. Это национально-культурные автономии (региональные и местные), общественные организации различного уровня (общероссийские, региональные, местные), автономные некоммерческие организации, а также фонды и иные объединения творческой, религиозной, просветительской направленности деятельности (Национально-культурные автономии... 2019. С. 7–10). При этом национально-культурные объединения, представляющие диаспорные народы, составляют абсолютное большинство среди всех подобного рода организации в четырех исследуемых субъектах Российской Федерации (см. табл. 1), а следовательно, выступают основным гражданским субъектом (партнером) реализации государственной национальной политики в южно-российском макрорегионе.

Таблица 1

Диаспорные институты в структуре национально-культурных объединений регионов Юга России, ноябрь 2023 года¹

<i>Субъекты РФ</i>	<i>Всего</i>	<i>% от общего числа организаций национально-культурного профиля</i>
Республика Крым	111	62
Краснодарский край	114	78
Ставропольский край	38	51
Ростовская область	64	87

Наряду с формально организованными объединениями в исследуемых регионах действуют неформальные сообщества диаспорных групп, которые могут иметь признание со стороны официальных государственных и муниципальных органов власти (например, их представители могут входить в состав региональных и местных консультативных советов по взаимодействию власти и гражданского общества, а также гармонизации межэтнических отношений), а могут не обладать таковым статусом и функционировать исключительно на основе инициативных микрогрупп (встречи, чаты, сообщества в социальных сетях, группы в мессенджерах и т. д.).

Принадлежность к тому или иному типу диаспорного сообщества, наличие или отсутствие формальных и неформальных объединений у данного сообщества определяет возможный комплекс методических инструментов

¹ Рассчитано на основе данных сайта Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij> (дата обращения: 12.11.2023).

социологического исследования, реализуемого в целях изучения проблем социокультурного воспроизводства этнической группы, сохранения своей идентичности, выявления роли группы в интеграции и дезинтеграции поликультурного социума Юга России. Первый тип диаспорных групп, обладающий сложно выявляемым составом своих этнических представителей, наиболее адаптивен к реализации качественного социологического исследования с соответствующим комплексом инструментов (фокус-группы, глубинные интервью). В отношении же второго и третьего типа диаспорных групп наиболее перспективными представляются исследования, сочетающие комплекс количественных и качественных методик социологического анализа.

Дифференциация методик также должна учитывать социальный потенциал каждого национально-культурного объединения. В соответствии с уровнем данного потенциала и функциональной ролью объединения института в жизни сообщества можно выделить три типа диаспорных институтов. Первый тип – это «центры этнической силы», обладающие максимальным уровнем влияния на характер межэтнических отношений в региональном социуме. Их представители наиболее интегрированы во все социальные слои и профессиональные группы, имеют представительство в элитарных структурах и обладают значительным ресурсным потенциалом (демографическим, информационным, финансовым, символическим и т. д.). Второй тип – это «центры этнического предпринимательства», лидеры которых выступают одновременно ядром сетевой этнической миграции, обеспечивающим циркуляцию потоков трудовой миграции в регионе. Третий тип – это «центры этнической ностальгии», характеризующие наиболее немногочисленные по составу этнические сообщества, переживающие интенсивную ассимиляцию, утрату актуальной этнической идентичности, существенные потери своего демографического потенциала.

Заключение

Таким образом, дифференциация диаспор и диаспорных институтов детерминирует возможности их функционального участия в системе межэтнических отношений поликультурного социума, а также определяет набор методик и инструментов, используемых в социологическом исследовании их жизнедеятельности. При этом терминологическая точность в отношении диаспор существенно сужает объекты социологического анализа и исключает из данного перечня автохтонные народы региона или страны, а также этнические единицы, дисперсно проживающие в регионе и в его муниципальных образованиях. Данные группы не могут рассматриваться в качестве объекта исследования диаспорных сообществ, так как не являются таковыми по факту своего происхождения и институционального статуса. Воспроизводство и институциональное функционирование диаспоры определяется не столько

историко-культурным своеобразием группы, сколько ее политико-правовым статусом и средовым восприятием ее организаций и лидеров. Включенность последних в систему разделения символического капитала на региональном и местном уровне, представительство в официальных структурах и т. п. в значительной степени влияет на возможности сохранения межкультурного диалога и перспективу гармонизации межэтнических отношений в регионе Юга России. Диспропорциональность распределения данного символического капитала и симулятивный характер деятельности диаспорных институтов провоцируют риск развития дисфункциональности мероприятий национальной политики и рост социальной напряженности в сфере межэтнической коммуникации.

Список источников

Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.]; отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева; ФНИСЦ РАН. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2022. – 400 с. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022

Армянская община на Дону: интеграция и сохранение этнокультурной идентичности: монография / отв. ред. А. В. Бедрик. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. – 224 с.

Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Северо-Кавказский регион / М. А. Аствацатурова. – Ростов-на-Дону; Пятигорск: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2002. – 628 с. – EDN TASWEB.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – (Технология свободы). ISBN 978-5-91478-023-1

Бугай Н. Ф. Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие / Н. Ф. Бугай. – Москва: Гриф, 2015. – 512 с. – ISBN 978-81-974200-5-2. – EDN VMPTYD.

Бугай Н. Ф. Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010-е годы) / Н. Ф. Бугай. – Санкт-Петербург:

References

Mukomel V. I., Grigorieva K. S., Monusova G. A. [et al.] Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators: [monograph]. Moscow: FNISTC RAN = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 2022: 400 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. (In Russ.).

The Armenian community on the Don: integration and preservation of ethnocultural identity: Monograph. Ed. by A. V. Bedrick. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2022: 224 p. (In Russ.).

Astvatsaturova M. A. Diasporas in the Russian Federation: formation and management. The North Caucasus region. Rostov-na-Donu; Pyatigorsk: Severo-Kavkazskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby = Rostov-on-Don; Pyatigorsk: North Caucasian Academy of Public Administration, 2002: 628 p. (In Russ.).

Baudrillard J. Simulacra and simulations. Moscow: Izdatel'skij dom «POSTUM» = Moscow: Publishing House "POSTUM". 2015: 240 p. (In Russ.).

Bugai N. F. Koreans of the South of Russia: interethnic harmony, dialogue, trust. Moscow: Grif = Moscow: Vulture Publishing House. 2015: 512 p. ISBN 978-81-974200-5-2. (In Russ.).

Bugai N. F. The Kurdish world of Russia: political and legal practice, integration,

Алетейя, 2012. – 478 с. – ISBN 978-5-91419-585-1

Дабакон В., Динчари Ф. Традиции и обычаи удинского народа. – Ростов-на-Дону: «НОК»; «Печатный двор», 2023. – 120 с.

Диаспоры и землячества в современной России: факторы воспроизводства традиционных ценностей в инокультурных средах / под ред. А. В. Дмитриева. – Москва: ЛЕНАНД, 2017. – 120 с.

Курбанов А. В. Ставропольские туркмены: Ист.-этногр. очерки / А. В. Курбанов; С.-Петерб. гос. ун-т, Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: Языковой центр СПбГУ, 1995. – 237 с. – ISBN 5-87403-003-4

Национально-культурные автономии в Российской Федерации. Научный сборник / отв. ред. О. В. Солопова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. – 374 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; под науч. ред. и с предисл. Б. З. Мильнера. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

Сургуладзе В. Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика: монография / В. Ш. Сургуладзе; под науч. ред. проф. Н. А. Фроловой. – Москва: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. – 400 с. – ISBN 978-5-4465-2164-7.

Суций С. Я. Украинцы Юга России – демографическая история одного регионального сообщества / С. Я. Суций; Российская академия наук, Южный научный центр, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований. – Ростов-на-Дону: Копицентр, 2013. – 154 с. – ISBN 978-5-87870-054-2. – EDN WLMWHP.

ethnocultural revival (1917-2010). *Sankt-Peterburg: Aleteja = St. Petersburg: Alethea Publishing House*. 2012: 478 p. (In Russ.).

Dabakov V., Dinchari F. Traditions and customs of the Udi people. *Rostov-na-Donu: «NOK»; «Pechatnyj dvor» = Rostov-on-Don: “NOK”; “Printing yard”*. 2023: 120 p. (In Russ.).

Diasporas and communities in modern Russia: factors of reproduction of traditional values in foreign cultural environments. Ed. by A. V. Dmitriev. *Moskva: LENAND = Moscow: LENAND Publishing House*. 2017: 120 p. (In Russ.).

Kurbanov A. V. Stavropol Turkmens: Historical and Ethnographic essays. *Sankt-Peterburg: Yazykovoij centr SPbGU = St. Petersburg: St. Petersburg State University Language Center*. 1995: 237 p. (In Russ.).

National cultural autonomies in the Russian Federation. Scientific collection. Ed. by O. V. Solopov. *Sankt-Peterburg: Aleteja = St. Petersburg: Alethea Publishing House*. 2019: 374 p. (In Russ.).

North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Translated from the English by A. N. Nesterenko; under scientific ed. and with a preface by B. Z. Milner. *Moskva: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala» = Moscow: Foundation of the economic book “Beginnings”*. 1997: 180 p. (In Russ.).

Surguladze V. S. Identity politics in the realities of national security: strategy, theory, practice. Monograph. Under the scientific editorship of prof. N. A. Frolova. *Moskva: Analiticheskaya gruppy «S.T.K.» = Moscow: Analytical group “S.T.K.”*. 2019: 400 p. (In Russ.).

Suschy S. Ya. Ukrainians of the South of Russia – the demographic history of a regional community. *Rostov-na-Donu: Kopicentr = Rostov-on-Don: Copy Center Publishing House*. 2013: 154 p. (In Russ.).

Для цитирования: Бедрик А. В., Панфилова Ю. С., Чикарова Г. И. Диаспоры Юга России как объекты социологического исследования: к постановке проблемы // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 6(64). – С. 147–158.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.11
EDN ПОООНН

Сведения об авторах

Бедрик Андрей Владимирович
Кандидат социологических наук, директор
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
AuthorID РИНЦ: 817604
abedrik@bk.ru

Панфилова Юлия Сергеевна
Кандидат социологических наук, доцент
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
AuthorID РИНЦ: 786441
yspanfilova@sfedu.ru

Чикарова Галина Игоревна
Кандидат социологических наук,
старший преподаватель Института
социологии и регионоведения
Южного федерального университета
AuthorID РИНЦ: 947628
galia201292@gmail.com

История статьи:

Поступила в редакцию – 06.10.2023.
Одобрена после рецензирования –
22.11.2023.
Принята к публикации – 24.11.2023.

Information about authors

Andrey V. Bedrik
Candidate of Sociological Sciences,
Director of the Institute of Sociology and
Regional Studies, Southern Federal University
WoS. ResearcherID: D-1832-2019
Scopus AuthorID: 56809251600
abedrik@bk.ru

Yulia S. Panfilova
Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor of the Department of the Institute of
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57195918443
yspanfilova@sfedu.ru

Galina I. Chikarova
Candidate of Sociological Sciences, Senior
Lecturer at the Institute of Sociology and
Regional Studies, Southern Federal University
WoS. ResearcherID: H-7656-2018
Scopus AuthorID: 57211501850
galia201292@gmail.com

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*